

И. Е. Барыкина

Формирование парламентской культуры российского общества: из воспоминаний О. В. Синакевич-Яфа о Государственной думе первого созыва^а

А. Аверченко в рассказе «Фокус великого кино», «перематывая кино-плёнку» в обратную сторону и перечисляя события истории России первой четверти XX в., остановился на «самом счастливом моменте» во всей жизни российского общества. «А что это за ликующая толпа, что за тысячи шапок, летящих кверху, что это за счастливые лица, по которым текут слезы умиления?!

Почему незнакомые люди целуются, черт возьми!

Ах, это манифест 17 октября, данный Николаем II свободной России...»¹

Аверченко буквально описал картину И. Е. Репина «17 октября 1905 года», на которой изображена, по словам В. В. Розанова, «масленица русской революции»².

Причину этого всенародного ликования объясняет запись в дневнике Н. Н. Платоновой: «<...> 17 октября стало известно, что конституция дана <...> Итак, свершилось: самодержавие пало <...>»³. Российское общество, не избалованное уступками самодержавной власти, с восторгом встретило Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», даровавший жите-

^а Работа выполнена при финансовой поддержке Минпросвещения России в рамках государственного задания по теме «Образы героев в российской педагогике» (проект № VRFY-2025–0030).

лям Российской империи гражданские и политические права и объявлявший о создании Государственной думы, без одобрения которой не мог быть принят в дальнейшем ни один закон.

С этого момента начинается история российского парламентаризма, нового явления в политической системе Российской империи. Помимо созыва самого представительного учреждения, необходимо было сформировать парламентскую культуру как один из важных элементов политического сознания и депутатов, и избирателей. Государственная дума первого созыва сразу же принялась за это, делая все возможное для популяризации деятельности первого российского парламента.

В политической социализации нуждалась большая группа депутатов-крестьян, многих из которых привели в Думу не политические убеждения, а материальные соображения — 10 руб. в день, выделявшиеся на содержание парламентариев⁴. И. В. Лукоянов, исследовавший деятельность Государственной думы, отметил, что «политическое сознание крестьянства находилось во младенческом возрасте»⁵. Думцам-крестьянам сложно было даже разобраться в политическом лексиконе заседаний, где ораторы употребляли много иностранных слов. Так, в представлении крестьян «прерогативы» ассоциировались с «преградами»⁶.

Государственная дума первого созыва стремилась повлиять на политическое поведение всего российского общества. Подобно европейским парламентам, в Таврическом дворце заседания были открытыми для публики и прессы (как отечественной, так и иностранной), которую представляли более двухсот аккредитованных журналистов, в том числе женщины. А. В. Тыркова-Вильямс освещала работу Думы в газетах «Речь», «Русские ведомости», «Биржевые ведомости», ее муж Г. Вильямс — в английской «Манчестер гардиан». Тыркова-Вильямс вспоминала, что они «торопились в Таврический дворец, как на званый пир». «Журналисты были <...> как посредники между Думой и читающей Россией. Они были разносителями, толкователями думских идей и домогательств, ее страстей, ее гнева»⁷.

Б. М. Витенберг подчеркнул, что «Дума вела активную издательскую деятельность», бесплатно рассылая свои издания (стенографические отчеты заседаний, материалы думских комиссий, обзоры и т. п.) во все уголки Российской империи⁸.

Думцы выступали с публичными лекциями. А. Е. Пресняков писал жене 22 мая 1906 г.: «Идут собрания, где члены Думы публике разъясняют деятельность Думы <...>»⁹.

Более оживленными, чем в парламентах других стран, были кулуары Государственной думы первого созыва, где продолжались политические прения и дискуссии. «Знакомые и незнакомые собирались в группы, громогласно обсуждали все сказанное с трибуны, еще более громогласно громили министров за каждое их слово, за каждое их движение, <...> с утра до вечера шел

непрерывный митинг, никем не направляемый, но тем более задорный». Среди митингующих в кулуарах было много женщин, «захваченных политикой», приходивших в Таврический дворец, «как в свой клуб»¹⁰.

Неформальным способом знакомства широкой публики с деятельностью первого российского парламента стали групповые посещения зала заседаний в Таврическом дворце. Одна из таких экскурсий была проведена для учителей — участников Первого всероссийского съезда по педагогической психологии, проходившего в Петербурге с 31 мая по 4 июня 1906 г.

Революция 1905 г. всколыхнула учительское сообщество. Почувствовав, что ослаб диктат Министерства народного просвещения, учителя активно включились в поиск новых путей развития отечественного образования. В этот период проводилось множество педагогических съездов (так, одновременно со съездом по психологии в Петербурге 3–4 июня проходил Съезд учителей и деятелей средней школы), научных дискуссий (как правило, в Соляном городке, в помещении Педагогического музея военно-учебных заведений), появлялись новые школы, где реализовывались новаторские педагогические идеи. Рождение одной из таких «новых школ» (так стали себя называть эти учебные заведения) — Выборгского восьмиклассного коммерческого училища (ВВКУ) — происходило в июне 1906 г.¹¹

Создатели и учителя ВВКУ (П. А. Герман, И. М. Гревс, С. И. Шохор-Троцкий, О. В. Яфа, З. В. Баранова) поставили перед собой цель воспитать граждан России, что отвечало духу времени. Неудивительно, что О. В. Яфа, преподаватель математики, участвовала в педагогических съездах в начале лета 1906 г. и оказалась среди двухсот экскурсантов, посетивших Государственную думу 4 июня, в последний день работы Первого всероссийского съезда по педагогической психологии.

Ольга Викторовна Синакевич-Яфа (1876–1964) не только стала свидетелем ключевых событий истории России конца XIX — начала XX в., но и описала их в воспоминаниях «Жили-были». Сорок восемь тетрадей под таким названием хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки¹². Как справедливо отметила В. Р. Лейкина-Свирская, «это интереснейшая культурно-биографическая хроника первой половины» XX столетия. «В судьбе и характере О. В. Яфы часто соединяются, казалось бы, исключаящие друг друга события и черты, — а жизнь ее представляет впечатление удивительной цельности»¹³.

О. В. Яфа была правнучкой литератора и просветителя И. А. Второва (1772–1844) и внучкой историка и общественного деятеля Н. И. Второва (1818–1865); память о них бережно сохранялась в семье. В доме бабушки Н. А. Второвой (1828–1905) бывали выдающиеся представители Серебряного века: братья И. Я. и А. Я. Билибины, В. Брюсов и др. Яфа училась в частной женской гимназии М. Н. Стоюниной, где математику преподавал известный педагог С. И. Шохор-Троцкий, анатомию — П. Ф. Лесгафт, разработавший для учениц

особую программу физической подготовки. Среди педагогов были известный философ Н. О. Лосский, историки О. А. Добиап-Рождественская и А. Е. Пресняков. После окончания гимназии Яфа училась на Курсах воспитательниц и руководительниц физического образования, открытых по инициативе П. Ф. Лесгафта в 1896 г. Обучение было трехгодичным, что приравнивало курсы Лесгафта к высшему учебному заведению. В программу занятий, помимо основ физической культуры, входили анатомия, физиология, зоология, ботаника, химия, математика, физика, педагогика и психология.

После студенческих волнений 1899 г. Яфа пришлось оставить учебу, что стало для нее большим потрясением. Поэтому летом 1900 г. С. И. Шохор-Троцкий предложил ей место учительницы математики в семье принца Альберта Саксен-Альтенбургского и Елены Георгиевны, урожденной герцогини Мекленбург-Стрелицкой, правнучки Павла I. Опыт преподавательской работы у Яфа уже был. Она преподавала математику в Смоленской (Корниловской) вечерне-воскресной школе для рабочих, здание которой сохранилось до настоящего времени (пр. Обуховской обороны, д. 107, лит. В), там же в 1891–1896 гг. вела занятия и Н. К. Крупская. Два года Яфа обучала дочерей принца Саксен-Альтенбургского (не только математике, но и русскому языку, и литературе), занимаясь с ними в Китайском дворце в Ораниенбауме, принадлежавшем Елене Георгиевне, и в Серране, немецком замке принца. Эта часть ее жизни описана в «Синей плюшевой тетради» («Серранской тетради») ¹⁴.

После 1902 г. Яфа стала преподавать в гимназии Л. С. Таганцевой, а в 1906 г. вместе с несколькими учителями этой гимназии участвовала в создании Выборгского восьмиклассного коммерческого училища, где стала преподавателем математики и ручного труда. Ее воспоминания о первых днях нового учебного заведения включила в свою книгу выпускница этого училища В. Р. Лейкина-Свирская ¹⁵.

Летом 1914 г. Яфа отправилась в путешествие по Европе; известие о начале Первой мировой войны застало ее в Брюсселе. Как и многим русским беженцам, ей пришлось добираться на родину через Англию, Данию, Швецию и Финляндию, испытывая трудности с обменом денег, поиском транспорта и места для ночлега. Описание этого путешествия она также включила в свои воспоминания ¹⁶.

Яфа проработала в ВВКУ до ареста в 1929 г. по делу религиозно-философского кружка А. А. Мейера. Тюремное заключение и пребывание в Соловецком лагере она описала в книге «Авгуровы острова». В середине 1930-х гг., после заключения и ссылки, О. В. Яфа вышла замуж за профессора Синакевича (возможно, смена фамилии спасла ее от новых репрессий).

Яфа пережила блокаду, эвакуацию, а после окончания Великой Отечественной войны занималась литературным творчеством и работала над мемуарами. Ее воспоминания являются литературной обработкой материалов, которые Яфа собирала в течение жизни: дневниковые записи, переписка с родными

и близкими, открытки, рисунки, газетные вырезки и т. п. К воспоминаниям Яфа нередко возвращалась снова, переписывая их, поэтому некоторые тетради имеют несколько редакций.

Записи за 1906 г. находятся в 25-й тетради¹⁷. Заметки об открытии Государственной думы и ее роспуске перемежаются с записями о создании новой школы. 4 июня 1906 г. Яфа вместе с другими учителями побывала в Таврическом дворце, в зале заседаний Думы, и описала то, что ее поразило¹⁸.

Участников педагогического съезда в Думу привел депутат от Таврической губернии, член партии кадетов А. Г. Сипягин. Очевидно, он тоже принимал участие в Первом всероссийском съезде по педагогической психологии, так как преподавал естественные науки и географию в гимназиях Бахмута и Севастополя, и при этом увлекался модной в то время методикой образовательных экскурсий¹⁹. Не случайно и для своих коллег он также решил провести экскурсию, чтобы ближе познакомить их с нововведением в политическом устройстве страны — законодательным органом власти.

Учителя пришли в Таврический дворец утром в воскресенье, когда у парламентариев был выходной день. В регламенте работы первой Государственной думы предполагалось ввести специальные билеты для приглашенных²⁰, но педагоги свободно прошли в Таврический дворец. Их собралось очень много — около двухсот человек. Скорее всего, визит учителей, приехавших из разных регионов Российской империи, расценивался как способ популяризации идей парламентаризма не только среди широкого круга интеллигенции, но и среди подрастающего поколения, которое обучали и воспитывали эти преподаватели. И поэтому в осмотре зала заседаний экскурсантам была предоставлена полная свобода, чего не встречалось в практике европейских парламентов. Педагоги даже забрали с собой депутатские карточки для голосования.

Яфа поддалась общему настроению, за что корила себя в дневнике, считая подобное поведение «мародерством» и проявлением неуважения к «святой святой нашей родине». Она всегда предъявляла к себе высокие моральные требования, в записках придирчиво анализировала и оценивала свои поступки. Мы можем не согласиться со строгой оценкой мемуаристки, учитывая всеобщее воодушевление и общественный подъем в период деятельности Государственной думы первого созыва. Учителя не были «мародерами», очевидно, ими двигало любопытство и желание привезти в свои школы вещественные доказательства деятельности Думы, показать их ученикам, а не просто пополнить коллекцию домашних сувениров.

Сама Яфа сохранила все документальные свидетельства посещения Таврического дворца и позднее вклеила в тетрадь рядом с воспоминаниями о посещении зала заседаний. Эта запись — еще одно свидетельство уникальности российского законодательного органа власти. А. В. Тыркова-Вильямс оценивала первую Государственную думу «как выражение чаяний целого ряда идеологов», а не как «законодательную палату», в которой совершалась бы важная

«работа» над законодательными актами²¹. В. С. Дякин в выступлении, посвященном Государственной думе, поставил вопрос, была ли она парламентом. Критерием для ответа историк считал ответственность правительства перед законодательной ветвью власти, которой не было в думский период. И все же В. С. Дякин полагал, что «с оговоркой» можно «все-таки говорить, что это был первый в России опыт существования парламента»²². Б. М. Витенберг, развивая эту мысль, сделал вывод, что Государственная дума «оказала и другое, не вполне оцененное до сих пор влияние на российскую жизнь начала XX в.». Являясь «наиболее открытым для общества из всех высших государственных учреждений империи», она внесла «свой вклад в процесс развития гражданского общества в России начала XX в., по воле истории оставшийся, к сожалению, не законченным»²³. Фрагмент из воспоминаний О. В. Синакевич-Яфа иллюстрирует это утверждение, показывая, как при участии Государственной думы происходило формирование парламентской культуры российского общества. Текст публикуется в соответствии с современными правилами орфографии.

Приложение

Синакевич-Яфа О. В. Жили-были. Зрелые годы. 1906 г. (отрывок)

4 июня, воскресенье

Сейчас из Государственной Думы — в очень смятенном состоянии. Попала я туда вместе с остальными членами съезда Союза Педагогической психологии, на котором я пропадаю с утра до вечера уже пять дней. Член Думы Сипягин предложил быть гидом и пригласил собраться в Думе сегодня утром.

Собралось человек 200, может быть, впрочем, и меньше, я не умею определять на глаз. Осматривали досконально, залезали на кафедру, на место председателя, садились на министерские скамьи, — все с истинно русской бесцеремонностью. Затем перешли в ту часть зала, где хранятся баллотировочные ящики, — и вот там произошло то, что отравило мне мое самочувствие: на столе лежали белые и синие колоды с фамилиями членов Думы и с надписями «да» и «нет»²⁴. Публика стала разбирать эти карточки себе «на память». И я — я поддалась искушению и тоже стащила карточку Аладьина²⁵. Ужас. Теперь я готова ехать назад, чтобы отдать ее, но, ведь, этого уже нельзя сделать^b. Да и потом — не я одна брала, — все равно свинство сделано. Гадость. Чего же ждать от черносотенцев, если члены Психологического съезда ведут себя, как мародеры! Блок-нот^c министра Внутренних Дел²⁶ был изорван (тоже «на память»!) в несколько минут. Русские люди — всегда русские люди, как бы по внешности

^b На л. 30–34 вклеены: карточка Аладьина, бланки записок для голосования и бюллетеней для голосования, письма крестьянок членам ГД. На л. 44–49 вклеены фотографии членов ГД и залов Таврического дворца.

^c Так в рукописи.

они ни были образованы и культурны. И «от них же первая есмь аз». Стыдно и больно — за себя и за русских. Когда же мы окультуримся?!

Мне вспоминается сейчас, как однажды в детстве, при осмотре Царскосельского дворца, я отстала немного от взрослых и подошла к роялю, чтобы ближе рассмотреть висевшую над ним картину, а т[ак] к[ак] я тогда была не слишком большого роста, мой нос пришелся как раз на уровне рояля и, когда я отвела глаза от картины, я обнаружила против моего носа на полированной поверхности рояля два матовых запотевших пятна. До сих пор помню жгучий стыд, который по пятам преследовал меня потом из зала в залу, отравив всякое удовольствие дальнейшего осмотра, и долго потом я еще мучилась воспоминанием об этом, мечтая облегчить мою совесть признанием, и стыдясь открыться даже маме, пока не обнаружила случайно, что полированное дерево не портится от дыхания, и что пятна, которые меня тогда так смутили, исчезают так же скоро, как появляются.

И сейчас хочется верить, что мои мучения насчет карточки Аладыина так же преувеличены, как тогда в детстве. И сознаю, что теперь это уже не так. Ведь стыдно мне не столько за фактический урон, нанесенный Думе, сколько за себя, за свои шаткие принципы, которым я так легко могла изменить. Я, проповедовавшая всегда, что нельзя и булавки взять с чужого стола без спроса, т[ак] к[ак] неизвестно, какую ценность она может иметь для ее обладателя, я, попав не просто в знакомый дом, а в Думу — сейчас святое святых нашей родины, осквернила это место таким гадким, неуважительным поступком!

Сипягин много рассказывал о депутатах-крестьянах. Одна дама перебила его вопросом: «Скажите, ведь они^d верно очень мало понимают: ораторы употребляют столько иностранных слов».

Сипягин очень корректно ответил: «Многие товарищи действительно не понимают иностранных слов. Один, например, употреблял слово “прерогатива”, думая, что оно соответствует слову “преграда” или “рогатина”: “Наставили, говорит, нам на каждом шагу прерогатив...” Теперь товарищи решили поступать проще: как только встречается иностранное слово, они записывают его и спрашивают. Например: “что такое бюро?” И председатель разъясняет. Ведь русский парламент — небывалый парламент: наряду с лучшими представителями науки здесь часто заседают неграмотные крестьяне, работа которых чрезвычайно полезна, например, в аграрной комиссии».

ОР РНБ. Ф. 163. Д. 345. Л. 29 об. — 34 об. Автограф.

^d Подчеркнуто в рукописи.

¹ Аверченко А. Фокус великого кино // Аверченко А., Тэффи. Юмористические рассказы. Минск, 1990. С. 200.

- ² Виртуальный Русский музей. URL: https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/painting/19_20/repin_i.e._17_oktyabrya_1905_goda._1907._zh-6666/index.php (дата обращения: 12.05.2025).
- ³ Платонова Н. Н. Дневник (1889–1921). Рязань, 2020. С. 143. Запись 20 октября 1905 г.
- ⁴ Лукоянов И. В. У истоков российского парламентаризма. СПб., 2003. С. 108.
- ⁵ Там же. С. 111.
- ⁶ Синакевич-Яфа О. В. Жили-были. Тетрадь 25-я. Зрелые годы // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 163. Д. 345. Л. 34 об.
- ⁷ Тыркова-Вильямс А. В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 417.
- ⁸ Витенберг Б. М. Я. В. Глинка и его дневник // Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 13–14.
- ⁹ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2004. С. 542.
- ¹⁰ Тыркова-Вильямс А. В. Воспоминания. С. 415.
- ¹¹ Лейкина-Свирская В. Р., Селиванова И. В. Школа в Финском переулке. СПб., 1993.
- ¹² ОР РНБ. Ф. 163.
- ¹³ Лейкина-Свирская В. Р., Селиванова И. В. Школа в Финском переулке. С. 39.
- ¹⁴ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 332. Значительная часть рукописи опубликована: Синакевич-Яфа О. Синяя плюшевая тетрадь / Публ., вступит. заметка и примеч. И. Барыкиной // Звезда. 2025. № 1. С. 173–188; № 2. С. 162–204.
- ¹⁵ Лейкина-Свирская В. Р., Селиванова И. В. Школа в Финском переулке. С. 19–22.
- ¹⁶ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 345.
- ¹⁷ Там же. Д. 339.
- ¹⁸ Там же. Д. 345. Л. 29 об. — 34 об.
- ¹⁹ Государственная дума Российской империи: 1906–1917: энциклопедия. М., 2008. С. 559.
- ²⁰ Лукоянов И. В. У истоков российского парламентаризма. С. 143.
- ²¹ Тыркова-Вильямс А. В. Воспоминания. С. 404.
- ²² Белодубровский Е. Б., Витенберг Б. М. Выступление В. С. Дякина на вечере «Государственная дума вчера и сегодня... 1907–1917–1993» 10 ноября 1993 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века (Сб. ст. памяти В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьева). СПб., 1999. С. 18.
- ²³ Витенберг Б. М. Я. В. Глинка и его дневник. С. 13–14.
- ²⁴ В практике Государственной думы первого созыва применялись различные способы голосования: баллотировка шарами, вставание со своих мест, выход в разные двери тех, кто «за» и «против». Самым точным считалось голосование именными записками. В последнем случае подсчет результатов занимал длительное время, поэтому к подобной процедуре прибегали в редких случаях, когда требовалась особая точность, например, при голосовании по финансовым вопросам (Лукоянов И. В. У истоков российского парламентаризма. С. 146–147).
- ²⁵ Аладьин Алексей Федорович (1873–1927) — депутат от Симбирской губернии, лидер трудовиков. Был талантливым оратором, яркой фигурой в первой Государственной думе. См. о нем: Тыркова-Вильямс А. В. Воспоминания. С. 401–404; Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 380–381; Лукоянов И. В. У истоков российского парламентаризма. С. 119.
- ²⁶ Речь идет о П. А. Столыпине.

References

Belodubrovskii, E. B., Vitenberg, B. M. Vystuplenie V. S. Dyakina na vechere “Gosudarstvennaya дума вчера i segodnya... 1907–1917–1993” 10 noyabrya 1993 g. [Speech by V. S. Dyakin at the Evening “The State Duma Yesterday and Today... 1907–1917–1993” on November 10, 1993. In Russ.]. In Tsamutali A. N. (ed.).

Problemy sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii XIX–XX veka. St. Petersburg, Aleteiya, 1999. P. 16–26.

Leikina-Svirskaya, V. R., Selivanova, I. V. *Shkola v Finskom pereulke* [School in Finnish Lane. In Russ.]. St. Petersburg, 1993. 159 p.

Lukoyanov I. V. *U istokov rossiiskogo parlamentarizma* [At the Origins of Russian Parliamentarism. In Russ.]. St. Petersburg, Liki Rossii, 2003. 413 p.

Vitenberg, B. M. Ya. V. Glinka i ego dnevnik [Ya. V. Glinka and his Diary. In Russ.]. In Glinka, Ya. V. *Odinnadtsat' let v Gosudarstvennoi dume. 1906–1917: Dnevnik i vospominaniya*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. P. 5–16.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

И. Е. Барыкина. Формирование парламентской культуры российского общества: из воспоминаний О. В. Синакевич-Яфа о Государственной думе первого созыва // Петербургский исторический журнал. 2025. № 3. С. 272–280

Аннотация: Созыв Государственной думы в 1906 г. российское общество встретило с восторгом. Но для эффективной деятельности избирательной системы и законодательного учреждения необходимо было сформировать политическую культуру российского общества. Государственная дума первого созыва стала самым открытым для общества парламентом, организуя публичные мероприятия. В их числе оказалась экскурсия в Таврический дворец для учителей — участников педагогического съезда в июне 1906 г. Это событие в своих записках описала О. В. Яфа.

Ключевые слова: Государственная дума, Российская империя, парламентаризм, общество, политическое сознание, парламентская культура, депутаты, Таврический дворец, педагогический съезд, экскурсия, мемуары.

FOR CITATION

I. E. Barykina. The Formation of the Parliamentary Culture of Russian Society: from the Memoirs of O. V. Sinakevich-Yafa about the State Duma of the First Convocation // Petersburg Historical Journal, no. 3, 2025, pp. 272–280

Abstract: The convocation of the State Duma in 1906 was met with significant enthusiasm by the Russian populace. However, for the electoral system and legislative institution to function effectively, it was necessary to form a political culture in Russian society. The State Duma of the first convocation is widely regarded as the most open parliament to society, evidenced by its organisation of public events. In June 1906, an excursion was organised for teachers participating in the Pedagogical Congress to the Tauride Palace. The event was documented in the notes of O. V. Yafa.

Key words: State Duma, Russian Empire, parliamentarism, society, political consciousness, parliamentary culture, deputies, Tauride Palace, pedagogical congress, excursion, memoirs.

Автор: Барыкина, Инна Евгеньевна — д. и. н., доцент, профессор кафедры истории России с древнейших времен до начала XIX в. РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Barykina, Inna Evgenievna — Dr. of Sci. in History, assistant professor, Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

E-mail: ibarykina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9910-6766